

УДК 811.162.1'42'367.625:398.92

Григорий Владимирович Сериковканд. филол. наук, доц., доц. каф. довузовской подготовки и профориентации
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины**Ryhor Serykau**Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pre-University Education and Career guidance
of the Francisk Scorina Gomel State University
e-mail: gserikov@internet.ru**ИНВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛЬСКИХ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ
И ЕЕ СТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Статья посвящена возвратным глаголам, входящим в состав фразеологизмов современного польского языка. Анализ причин разнообразия подтипов инвариантной модели «V + *się*» предваряется семантической классификацией глаголов, сопровождаемой необходимыми статистическими данными. В статье устанавливаются причины стабилизации в устной речи поляков подтипа контактной препозиции «*się* + V» и дистактной постпозиции «V + *n*¹ + *się*», подчеркивается роль интонационного рисунка устойчивой фразы, в состав которой входит возвратный глагол, обращается внимание на ритмическую сбалансированность отрезка высказывания, которая обеспечивается постоянным ударением в польском языке, приходящимся на предпоследний слог. Автор статьи утверждает, что усложненные подтипы возвратных моделей чаще всего являются принадлежностью книжного стиля.

Ключевые слова: фразеологизм, возвратный глагол, делимитер, контактная постпозиция, дистактная препозиция, рудиментивный, вербоид.

The Invariant Model of Polish Reflexive Verbs and Its Structural Potential in Phraseological Units

The article is devoted to reflexive verbs, which are part of the phraseological units of the modern Polish language. The analysis of the reasons for the diversity of the subtypes of the model «V + *się*» is preceded by the semantic classification of verbs, which is accompanied by the necessary statistical data. The research points out the reasons for the preference of the subtype contact preposition «*się* + V» and the distact postposition «V + *n*¹ + *się*» in the oral speech of the Pole. The role of the intonational pattern of a stable phrase, which includes a reflexive verb, is emphasized. Attention is drawn to the rhythmic balance of the utterance segment, which is provided by a constant stress in Polish, always falling on the penultimate syllable. The author of the article argues that the complicated subtypes of return models most often belong to the bookish style.

Key words: idiom, reflexive verb, delimiter, contact postposition, distact preposition, rudimentary, verboid.

Введение

Фразеология как совокупность устойчивых оборотов и выражений, свойственная любому языку, представляет собой источник исследований для филологов, как правило, сугубо в лингвистическом или культурологическом аспектах. В канве заявленной темы нас интересует семантическое разнообразие возвратных глаголов, входящих в состав польских фразеологизмов, а также характер их функционирования с точки зрения особенностей локализации в устойчивых выражениях краткой формы возвратного местоимения *się* (*siebie* 'себя'), которое пишется отдельно от глаголов.

В публикации, посвященной исследованию разнообразных позиций краткой формы возвратного местоимения *się* в глагольных и именных конструкциях польско-

го языка, возвратная глагольная модель «V + *się*» (от лат. *verbum* 'глагол') была определена как *исходная модель*, «поскольку именно в таком виде представлены возвратные глаголы во всех лингвистических словарях польского языка» [1, с. 132]. Углубляясь в избранную тематику и имея в данном случае в качестве источника фактических данных фразеологический словарь современного польского языка [2], считаем более целесообразным использовать терминологические сочетания «инвариантная модель» или «реестровая модель», поскольку объектом данного исследования являются возвратные глаголы, входящие в состав фразеологизмов и выступающие в словарных статьях в качестве реестровых слов. Выбор данного словаря принципиально важен по причине того, что каждая его статья

снабжена аутентичным иллюстрационным материалом, извлеченным авторами из польских художественных, научных, деловых и публицистических текстов периода 1968–2000 гг. [2, с. 8], а это около 15 000 цитат из польской литературы и прессы, отраженных почти в 4 000 словарных статей. Как резонно отмечает известный польский лексикограф профессор Варшавского университета Мирослав Банько, «это не вымышленный словарь, отражающий только языковую компетенцию авторов, но словарь, основанный на источниках, – подлинный документ языка» [2, с. 5]. Устойчивость фразеологизмов в языке распространяется и на их составные части, связывая последние в стабилизированные фрагменты и структуры.

Среди множества глаголов, способных сочетаться с возвратным местоимением-морфемой *się* (соотносящимся с постфиксами *-ся*, *-сь* и *-ца*, *-ся* в русском и белорусском языках соответственно), фразеологический словарь отражает только те из них, которые вследствие своей высокой частотности в речи закрепились в народной языковой практике в составе целых фраз. Именно поэтому возвратные глаголы, входящие в состав фразеологизмов и представленные в словаре реестровой моделью «*V + się*», являются ценным объектом для наблюдений за их вариативным функционированием в устной и письменной речи носителей польского языка, поскольку из приблизительно 4 000 словарных статей упомянутого словаря 98 из них (≈2,45 %) открываются реестровым возвратным глаголом модели «*V + się*». Данная инвариантная модель реализуется в 129-ти фразеологизмах и, входя в их состав, ведет себя по-разному: от жесткого сохранения исходной контактной постпозиции *się* по отношению к глаголу (модель «*V + się*») до развитых вариативных типов дистактной препозиции с пятью–семью делимитерами (от лат. *delimiter* – ‘разделитель’), например, «*się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + n⁶ + n⁷ + V*» и др.

Основная часть

В большинстве примеров иллюстрационного материала модель контактной постпозиции «*V + się*» устойчиво сохраняется, реализуясь в виде личных возвратных глаголов в настоящем и будущем временах,

например: «*Ale w praktyce boją się tego re-pertuaru jak diabeł święconej wody*» [2, с. 25]. Данный порядок следования «*глагол + się*» характеризует более 63 % употреблений. Однако в некоторых случаях данная модель трансформируется в такие варианты: «*Niektórzy wręcz się ich boją jak diabeł święconej wody*» [2, с. 25], что соответствует препозиционной дистактной модели «*się + n¹ + V*» с одним делимитером. В этой же словарной статье, под фразеологизмом *bać się jak ognia* ‘бояться как огня’ в качестве иллюстрации выступает возвратная форма причастия, соответствующая модели «*RP + się*» (лат. *securente participio* ‘возвратное причастие’): *Sylwiusz Berlusconi, bojący się komunistów jak ognia* [2, с. 25].

Итак, 98 возвратных глаголов, входящих в состав фразеологизмов и имеющих различные значения, целесообразно, во-первых, предварительно разделить на две основные группы согласно указаниям «Лингвистического энциклопедического словаря» (далее – ЛЭС), а именно на глаголы динамические и статические: «динамические обозначают действия в прямом смысле слова (“рублю”, “пишу”, “бегу”) или же события и процессы, связанные с теми или иными изменениями (“чашка разбилась”, “дерево растет”, “снег тает”). Статические обозначают состояния, зависящие от воли субъекта (“стою”) либо не зависящие от нее (“болею”, “мерзну”), отношения (“соответствует”, “превосходит”), проявления качеств и свойств (“трава зеленеет” в значении ‘видится зеленой’)» [3, с. 105]. Во-вторых, учитывая классификацию глаголов Л. М. Васильева [4], целесообразно представить картину семантических групп статических глаголов.

Из 98-ми возвратных глаголов, входящих в состав 129-ти фразеологизмов, 70 относятся к динамическим, а 28 – к статическим, т. е. их соотношение 2,5 : 1, и это свидетельствует, что глаголы психической деятельности, мыслительных процессов, эмоциональных состояний выступают в составе фразеологизмов значительно реже.

Динамические глаголы в структуре идиом и устойчивых выражений: *bawić się* ‘играться’; *bić się* ‘биться’; *chować się* – *schować się* ‘прятаться – спрятаться’; *chylić się* ‘клониться’; *czepiać się* ‘цепляться’; *dobrać się* ‘добраться, подобраться’;

gotować się – zagotować się ‘кипеть – закипеть’; jeździć się – zjeździć się ‘ежиться – съежиться (= вставать – встать дыбом)’; kleić się ‘клеиться’; krajać się ‘разрывать-ся’; kręcić się ‘вертеться’; kryć się ‘прятаться’; łąpać się – złąpać się ‘хвататься – схватиться’; mieścić się ‘помещаться’; odbijać się – odbić się ‘отражаться (отдаваться) – отразиться (отдаться)’; odwrócić się ‘отвернуться’; otworzyć się – otwierać się ‘открыться – открываться’; palić się – spalić się ‘гореть – сгореть’; pchać się ‘толкаться, ломиться’; porzucić się ‘перевернуться’; poruszać się ‘двигаться’; porwać się – porwać się ‘порываться – порваться’; pośliznąć się ‘поскользнуться’; powinąć się ‘подвернуться’; przebrać się ‘переполниться’; przecisnąć się ‘протиснуться’; przemknąć się ‘прошмыгнуть’; prześliznąć się – prześlizgnąć się ‘проскользнуть’; przewracać się – przewrócić się ‘переворачиваться – перевернуться’; przyglądać się ‘присматриваться’; rukać się – rukać się ‘стукнуться – стучаться’; rodzić się ‘родиться’; rozbić się ‘разбиться’; rozjechać się ‘разойтись’; rozpadać się – rozpaść się ‘распадаться – распасться’; rozplywać się ‘расплываться’; rozrywać się ‘толкаться’; rozwiązać się – rozwiązywać się ‘развязаться – развязываться’; ruszać się ‘двигаться’; runąć się ‘грохнуться’; rzucić się – rzucić się ‘броситься – бросаться’; skończyć się ‘кончиться’; spocić się ‘употеть’; stać się – stawać się ‘стать – становиться’; stroić się ‘наряжаться’; syrać się – posyrać się ‘сыпаться – посыпаться’; trząść się ‘трястись’; trzymać się ‘держаться’; ugiąć się ‘согнуться’; ugryźć się ‘укусить себя’; urodzić się ‘родиться’; urwać się – urwać się ‘прерваться, оборваться – прерываться, обрываться’; usuwać się – usunąć się ‘удаляться – удалиться’; uwijać się ‘крутиться как в кипятке’; wić się ‘витья’; wieszać się ‘вешаться’; wodzić się ‘водить себя’; wykręcić się – wykręcać się ‘выкрутиться – выкручиваться’; wyplakać się – wyplakiwać się ‘выплакаться – выплакиваться’; wyrwać się ‘вырваться’; zabierać się ‘собираться, приступать’; zacząć się – zacząć się ‘начинаться – начаться’; zagoić się ‘зажить’; zalać się ‘залиться, упиться’; zamieniać się – zamieniać się ‘превращаться – превратиться’; zamknąć się – zamykać się ‘замкнуться – замыкаться’; za-

paść się ‘провалиться’; zerwać się – zerwać się ‘сорваться – срываться’; zmieniać się ‘меняться’; zwijać się ‘извиваться’.

Статические глаголы (28 единиц) в структуре фразеологизмов разделим на следующие группы:

а) глаголы эмоционального переживания: bać się ‘бояться’; cieszyć się ‘радоваться’; nudzić się ‘тосковать’; śmiać się ‘смеяться’; uśmieć się ‘расхохотаться’; uśmiechnąć się – uśmiechać się ‘улыбнуться – улыбаться’; podobać się – spodobać się ‘нравиться – понравиться’;

б) глаголы зрительного восприятия: dwoić się ‘двоиться’; troić się ‘троиться’; patrzeć się ‘смотреться, иметь вид’; wpatrywać się ‘всматриваться’; gapić się ‘таращиться’; śnić się ‘сниться’; pokazywać się ‘показываться’; zjawić się ‘появиться’;

в) глаголы ощущения: czuć się – poczucie się ‘чувствовать себя – почувствовать себя’; mieć się [ku sobie] ‘чувствовать взаимную симпатию’; znać się ‘знать друг друга, разбираться’;

г) глаголы наличествования и отсутствия: należeć się ‘причитаться’; obchodzić się ‘обходиться’; obejść się ‘обойтись’; znaleźć się – znajdować się ‘оказаться – оказываться’;

д) глаголы состояния: obudzić się ‘проснуться’; najść się ‘наестся’; święcić się ‘святиться, готовиться’;

е) глаголы мыслительного процесса и внимания: skupiać się – skupić się ‘сосредоточиваться – сосредоточиться’; ważyć się ‘взвешиваться, решаться’;

ж) глаголы слухового восприятия: obić się ‘отразиться’.

Структурная дистрибутивность возвратных глаголов, и динамических, и статических, в силу отдельного написания местоимения-морфемы *się* в подавляющем большинстве случаев тяготеет к инверсивному подтипу контактной препозиции, когда инвариантная модель «**V + się**» в иллюстративном материале словаря преобразуется в разновидность «**się + V**» (а это 30 случаев из 103-х, реализованных в 129-ти фразеологизмах).

Приведем некоторые примеры этой композиции и присмотримся к интонационному рисунку фраз, в которых функционируют данные возвратные глаголы подтипа «**się + V**»:

Oczy mi się kleją [2, с. 279] – ‘глаза у меня склеиваются (= слипаются)’.

Serce się kraje, gdy widzę, że... [2, с. 310] – ‘сердце разрывается, когда я вижу, что...’.

Kiedy patrzymy, co się tam dzieje, to nóż w kieszeni się otwiera [2, с. 524] – ‘когда мы смотрим, что там происходит, то нож в кармане открывается’.

Ziemia zaczęła tu się palić pod nogami [2, с. 535] – ‘земля начала у него гореть под ногами’.

Miarka się przebrała, gdy pani inspektor swoją kandydaturę zarpropozowała na kierowniczkę [2, с. 637] – ‘чаши переполнилась, когда госпожа инспектор свою кандидатуру выдвинула в качестве руководителя’.

W grobach musieli się przewracać jego przodkowie [2, с. 644] – ‘в могилах должны были переворачиваться его предки’.

W szpitalu bania się rozbila z nowymi pacjentami [2, с. 703] – ‘в больницу хлынули новые пациенты’.

Żarty się skończyły [2, с. 743] – ‘шутки закончились’.

Propozycje będą się sypały jak z rogi obfitości [2, с. 803] – ‘предложения будут сыпаться как из рога изобилия’.

Wszyscy wiedzieli, co się święci, ale nikt nie puszczał pary z ust [2, с. 831] – ‘все знали, что готовится, но никто не пускал пара изо рта (= не раскрывал рот, держал язык за зубами)’.

Film tu się urwał [2, с. 882] – ‘фильм у него оборвался (= он потерял сознание, “отключился”)’.

Losy pozostałych jeszcze się ważą [2, с. 895] – ‘судьбы остальных еще решаются’.

Do wesela się zagoi [2, с. 990] – ‘до свадьбы заживет’ и др. В таблице, представленной ниже, это позиция № 1.

Таблица. – Вариативность возвратной модели «V + się»

№	Вариативность «V + się»	Частотность
1	«się + V»	30
2	«V + n ¹ + się»	15
3	«się + n ¹ + V»	12
4	«się + n ¹ + n ² + V»	12
5	«NR + się»	7
6	«się + n ¹ + n ² + n ³ + V»	6
7	«RG + się»	4
8	«V ¹ + się + n ¹ + V ² »	3
9	«RP + się»	3
10	«się + n ¹ + n ² + n ³ + n ⁴ + n ⁵ + n ⁶ + n ⁷ + V»	2
11	«się + n ¹ + n ² + n ³ + n ⁴ + V»	2
12	«się + n ¹ + n ² + n ³ + n ⁴ + n ⁵ + V»	1
13	«się + n ¹ + n ² + n ³ + n ⁴ + n ⁵ + n ⁶ + V»	1
14	«V ¹ + n ¹ + się + V ² »	1
15	«V ¹ + się + n ¹ + n ² + n ³ + V ² »	1
16	«się + V ¹ + n ¹ + V ² »	1

Ученый-энциклопедист Зенон Клеменевич (1891–1969) в своем капитальном труде «История польского языка» отмечал следующее: «Локализация местоимения *się* была в разговорном языке и нестрогих записях очень свободной: *się* могло выступать перед глаголом или после него, в непосредственном соседстве или в отдалении. Зато книжный шаблон, ревностным приверженцем которого был Сандэчки, поддерживал позицию *się* тут же, при глаголе, т. е.: *się narodził, się wypytał...*» [5, с. 423–424]. Поэтому модель «*się + V*», характеризующаяся

изначально принадлежностью к книжному стилю, довольно интенсивно проникала в живую речь поляков, в т. ч. и в составе фразеологизмов, которые, распространяясь из уст в уста, в конечном итоге фиксировались на бумаге, становясь общенациональным достоянием и возобновляясь в живой речи в виде единиц вторичной номинации. Что же способствовало развитию и распространению этого инверсивного подтипа контактной препозиции «*się + V*» («*V + się*») в устной и письменной речи поляков?

Во-первых, думается, на это влиял и влияет до сих пор интонационный рисунок (или контур) устойчивой образной («крылатой») фразы, в состав которой входит возвратный глагол. В этом смысле артикуляционно-ритмическая сбалансированность отрезка высказывания обеспечивается постоянным ударением в польском языке, которое приходится на предпоследний слог.

Во-вторых, свою немаловажную роль в этом процессе играет чередование открыто-открытых слогов, исторически присущее славянским языкам. Обратим внимание на расположение ударных и безударных (долгих и кратких) слогов в пословице *до свадьбы заживет*: *до - сва дь-бы- за- жи-ве т*, т. е. фонетический рисунок этой 6-слоговой фразы будет таким: $\cup _ \cup \cup \cup _$.

В случае польской огласовки той же пословицы имеем следующую картину 8-слоговой фразы: *do wesela się żągoi* → *do-we-sé-la-się-za-gó-i*, т. е.: $\cup \cup _ \cup \cup \cup _ \cup$.

Как видим, в последнем случае мы имеем сочетание двух фонетических 4-сложных слов: [до вэ сэ л'а] [с'э за гó и] с одинаковым интонационным рисунком, обусловленным фиксированным ударением: $[\cup \cup _ \cup]$ $[\cup \cup _ \cup]$, с совпадающим ударным (долгим) предпоследним слогом в каждом из них, что содействует возникновению ритма, который позволяет закрепить в памяти реципиента именно такое, а не иное следование слов в данном высказывании. Даже по-русски редко кто воспроизведет эту фразу, располагая слова в ином порядке, например: *заживет¹ до² свадьбы³*. И если такой устоявшийся порядок слов в русском фразеологизме *до свадьбы заживет* с негармоничным чередованием долгих и кратких слогов прочно усваивается нами с детства, то значительно легче запечатлевается в памяти поляков фраза из двух дублирующихся четырехсложных фонетических слов, в которых фиксированное ударение на предпоследнем слоге является организующим фактором ритма: *do wesela się żągoi*.

Второй по распространенности вариацией является подтип дистактной постпозиции «V + n¹ + się» с одним делимитером. Данная модель довольно распространена во всех стилях и жанрах, что было отмечено нами в статье «Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского», но она

(модель), «являясь неустойчивой и избирательной, ограничивается узким кругом возвратных глаголов со значением восприятия, событийности, неожиданности, изменчивости и требует односложного делимитера» [1, с. 134]. Упомянутый вывод более справедлив в отношении безличных конструкций, встречающихся в устной и письменной речи поляков (интервью, легендах, анекдотах и др.), где речь рассказчика может изобиловать высказываниями типа: *udawało mi się naśladować* [6, с. 9] – ‘удавалось мне подражать’; *wydaje mi się pisanie o danym momencie* [6, с. 19] – ‘кажется мне написание о данном моменте’; *nie podobało mi się to* [6, с. 82] – ‘не нравилось мне это’; *trozkę też zmieniła mi się perspektywa* [6, с. 86] – ‘немножко тоже изменилась у меня перспектива’; *wydaje mi się mało prawdopodobne* [6, с. 97] – ‘кажется мне мало правдоподобным’ и др.

Для того чтобы понять, какие глаголы данной модели стабилизировались в структуре устойчивых выражений, обратимся к фактическому материалу. Фразеологизмы, заключающие в себе возвратные глаголы дистактной постпозиции «V + n¹ + się», надежно сохранили до нашего времени те первые делимитеры, которые закрепились в речи непосредственно после глагола, присоединяя потом уже к себе и грамматически связанное с глаголом возвратное местоимение-морфему *się*:

Szef dobierze mu się do skóry [2, с. 109] – ‘шеф доберется до его шкуры (= снимет с него шкуру)’.

Jeży nam się włos na głowie [2, с. 247] – ‘волосы дыбом у нас встают на голове’.

Kleją ci się już oczy [2, с. 279] – ‘глаза у тебя уже склеиваются’.

Za każdym razem mi się serce kraje [2, с. 310] – ‘каждый раз сердце у меня разрывается’.

Nie mieści im się w głowie, że... [2, с. 388] – ‘не укладывается у них в голове, что...’.

Należy mi się jak psu zupa odpruczynek [2, с. 418] – ‘причитается мне отпуск, как коту суп’.

Jakieś plotki obily mi się o uszy [2, с. 460] – ‘какие-то сплетни я слышал краем уха’.

Otworzą ci się oczy na niektóre sprawy [2, с. 524] – ‘откроются у тебя глаза на некоторые дела’.

Ziemia zaczynała palić im się pod stopami [2, с. 535] – ‘земля начинала гореть у них под ногами’.

Pośliznęła mi się noga [2, с. 621] – ‘у меня поскользнулась нога’.

Coraz ciężej przecisnąć im się przez ucho igielne [2, с. 639] – ‘все трудней и трудней им протиснуться сквозь игольное ушко’.

Przewróciło mu się w głowie [2, с. 645] – ‘перевернулось у него в голове’.

Nie rzuciło mi się w oczy, aby... [2, с. 725] – ‘мне не бросилось в глаза, чтобы...’.

Sąsiad śmieje nam się w nos [2, с. 821] – ‘сосед смеется нам в лицо’.

W sytuacji kryzysu życiowego, gdy usunęła mi się ziemia spod stóp [2, с. 887] – ‘в ситуации жизненного кризиса, когда у меня земля ушла из-под ног’.

Как видим, в качестве делимитера (n^1) в 14-ти примерах из 15-ти выступают односложные формы личных местоимений: *nam, im, mi* (← *jemu*), *ci* (← *tobie*), *mi* (← *mnie*), застывшие в составе фразеологизмов в дательном падеже. Три последних примера отражают наличие в польском литературном языке полной и краткой форм, употребление которых регламентируется несложными правилами грамматики: краткие формы местоимений не могут начинать предложение и выступают, как правило, непосредственно после глагола [7, с. 308].

Причиной закрепления в разговорной речи и литературном польском языке модели « $V + n^1 + się$ » является ее мелодичность, обусловленная фиксированным ударением в польском языке на предпоследнем слоге, а также удачно сложившиеся в многовековой речетворческой практике просодические чередования слогов. Обратимся к наиболее фонетически однородным из представленных выше примеров анализируемой модели « $V + n^1 + się$ » и разместим их в виде строфы для последующего ритмичного прочтения:

jeży nam się włos na głowie
pośliznęła mi się noga
przewróciło mu się w głowie
nie rzuciło mi się w oczy.

Интонационный рисунок каждой из этих строк будет одинаковым: $\underline{\quad} \cup \underline{\quad} \cup \underline{\quad}$
 $\cup \underline{\quad} \cup$. В данном чередовании сильных и слабых слогов проявляется хореическая стопа – «в силлабо-тоническом стихосложе-

нии – стопа длиной в два слога с сильным местом на первом» [8, с. 319].

В таком же ритме прочитывается и пушкинская строка *бу́ря мгло́ю не́бо кро́ет* ($\underline{\quad} \cup \underline{\quad} \cup \underline{\quad} \cup \underline{\quad} \cup$).

Следовательно, стабилизации в языке поляков упомянутой модели способствовала ее ритмическая организация. Возникает, однако, следующий вопрос: почему в этих и подобных фразеологизмах из двух односложных лексем, выступающих непосредственно после глагола, на первом месте идет какое-либо личное местоимение и лишь следом за ним – энклитическая форма *się*, относящаяся все-таки непосредственно к глаголу и делающая его возвратным? Теоретически возможно было бы построить приведенные фразы со следующим порядком слов: *jeży się nam włos na głowie, pośliznęła się mi noga, przewróciło się mi w głowie, nie rzuciło się mi w oczy*, преобразуя модель « $V + n^1 + się$ » в изначальную (наиболее устойчивую и распространенную в языке) « $V + się$ ». В этом случае можно предположить, что модель « $V + n^1 + się$ » отражает также и эволюцию возвратных глагольных форм. Можно допустить, например, что в предложениях типа *spadło mi jabłko na głowę* ‘упало мне яблоко на голову’ энклитическая форма *mi* (← *mnie*), выступающая непосредственно после глагола, закрепились между сказуемым и подлежащим в чуть раньше, нежели получили распространение возвратные глаголы.

Несколько меньшим количеством иллюстраций (12) представлена в таблице инверсивная модель дистактной препозиции с одним делимитером « $się + n^1 + V$ » (позиция 3 в таблице). Обратимся к примерам:

Niektórzy wręcz się ich boją jak diabeł święconej wody [2, с. 25] – ‘некоторые попросту их боятся как дьявол святой воды’.

Za każdym razem mi się serce kraje [2, с. 310] – ‘каждый раз сердце у меня разрывается’.

Ile ja się wtedy najadłam strachu [2, с. 417] – ‘сколько я тогда натерпелась страха’.

Ta pomoc się nam należy jak psu zupa [2, с. 418] – ‘эта помощь причитається нам как коту суп’.

Takie postępowanie może się wam odbić czkawką [2, с. 467] – ‘такое поведение может вам аукнуться икотой’.

Może robić, co tu się żywnie podoba [2, с. 596] – ‘может делать, что ему заблагорассудится’.

Mysz się nie precyśnie [2, с. 639] – ‘мышь не проскользнет’.

W głowach ludziom się doprawdy przewraca [2, с. 645] – ‘в головах у людей действительно переворачивается’.

Ale jakoś się to rozeszło po kościołach [2, с. 705] – ‘но как-то это рассосалось’.

O tyle słabsze, iż rzecz się nie rzuca w oczu [2, с. 725] – ‘настолько слабые, что суть не бросается в глаза’.

I z czegoż się tak śmiejecie jak głupi do sera?! [2, с. 820] – ‘и над чем смеетесь как дурень на сыр’.

Jadł budyń, aż tu się uszy trzęsły [2, с. 853] – ‘ел пудинг, что аж уши у него тряслись (= за ушами трещало)’.

Отметим, что модель «*się + n¹ + V*» в последнем примере строго поддерживается связанностью всех компонентов фразеологизма, который и подается в начальном виде как *jeść aż się uszy trzęsą, trzęsły* [2, с. 853]. В составе же других фразем возвратный глагол *trząść się* ведет себя свободней, например, как «*RG + się*»: *Trząść się jak galareta amator umebłowanego mieszkania podpisał zobowiązanie* [2, с. 853] – ‘трясаясь как холодец, любитель меблированной квартиры подписал обязательство’.

Структурно модель «*się + n¹ + V*» является, несомненно, производной от модели контактной препозиции «*się + V*», которая, как было указано выше, является чаще принадлежностью книжного стиля. Тем более модель «*się + n¹ + V*», усложненная делимитером, в большинстве случаев фразеологизируется, закрепляясь на письме, в процессе прогнозирования и обдумывания автором будущей структуры фразы. Есть, однако, и давно устоявшийся, кодифицированный порядок компонентов, как, например в случае *mysz się nie precyśnie*, где отрицательная частица *nie* ни в коем случае не может выступить в какой-либо иной позиции и не может быть опущена без изменения смысла на противоположный [9, с. 205].

Упомянутое выше выражение *o tyle słabsze, iż rzecz się nie rzuca w oczu* очень трудно выговорить без предварительной подготовки часто даже носителю языка из-за насыщенного чередования в нем шипящих и свистящих звуков, как в скороговорке.

Польский литературовед Марцин Червиньски употребляет это выражение в своей научной монографии «Profile kultury», посвященной вопросам культуроведения [2, с. 725]. Логично предположить, что такая компоновка слов и звуков не содействует закреплению в памяти на слух, хотя сам фразеологизм *rzuca się w oczu* ‘бросается в глаза’ в артикуляции трудностей не вызывает.

Следует отметить, что количество делимитеров в препозиционной дистактной модели обратно пропорционально количеству соответствующих эпизодов. Например, модель «*się + n¹ + n² + V*» встречается в 12-ти случаях, «*się + n¹ + n² + n³ + V*» – в 6-ти, «*się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V*» – в 2-х. Чем более сложнее модель, тем реже она отмечается в текстах. Самая рудитативная (лат. *ruditatis* – ‘развитость’) разновидность этой модели, зафиксированная авторами словаря, – это разновидность с 7-ю делимитерами «*się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + n⁶ + n⁷ + V*», соответствующая фразеологическому высказыванию *więc jak ja widzę ten wasz dom na Nowogrodzkiej, to mi się, że tak powiem, nóż sam w kieszeni otwiera* [2, с. 524] – ‘так вот, когда я вижу ваш дом на Новогродской, то у меня, так сказать, нож сам в кармане открывается’. В данном случае фразеологизм *nóż się w kieszeni otwiera*, будучи взятым отдельно, вне контекста, соответствует модели «*się + n¹ + n² + V*», однако в романе «Ханеманн» польского прозаика Стефана Хвина (откуда авторы словаря и взяли этот пример) составной компонент данного фразеологизма – существительное *nóż* ‘нож’ – сам выступает в качестве одного из делимитеров: *to mi się, że tak powiem, nóż sam w kieszeni otwiera*. Такая сложная модель, как видим, чаще характерна для текста *написанного*, где не требуется применения прогнозирующих свойств оперативной памяти говорящего: последовательность слов надежно выверена автором и закреплена на бумаге.

Моделью «*NR + się*» (лат. *pomen reflexivum* ‘возвратное существительное’) описываются в исследуемом материале 7 случаев (позиция 5 в таблице). Нельзя сказать, что данная модель отражает наличие в польском языке возвратных существительных, поскольку такой категории в польской грамматике не существует, хотя есть существительные отглагольные, а если они обра-

зованы от возвратного глагола, то *się* при таком существительном сохраняется. О несамостоятельности данного вербоида свидетельствует его расположение в словарной статье, открывающейся реестровым глаголом. По определению ЛЭС, «вербоиды (по другой терминологии – нефинитные формы глагола) совмещают некоторые черты и грамматические категории глаголов с чертами других частей речи – существительных, прилагательных или наречий. Вербоиды выступают в качестве различных членов предложения, а также в составе аналитических финитных форм и некоторых близких к ним конструкций» [4, с. 104–105].

Первый фразеологизм, соответствующий формуле «*NR + się*», – *forma takiego publicznego bicia się w piersi* – ‘форма такого публичного битья в грудь’ – встречается под реестровым глаголом *bić się* в подрубрике **I. bić się w piersi** ‘признаваться в своей вине’ [2, с. 37], что свидетельствует о производном характере отглагольного названия действия. Еще несколько примеров, отражающих модель «*NR + się*»:

Chowanie się za plecami żony [2, с. 70] – ‘прятаться за спиной жены’.

Czepianie się klamek wielkich mocarstw [2, с. 89] – ‘цепляние за клямки великих государств’.

Wstaje tchórzliwa chęć ucieczki, odwrócenia się plecami do cierpień bliźniego [2, с. 476] – ‘возникает трусливое желание избегать, поворачиваться спиной к страданиям ближнего’.

Geopolityka, rozumiana jako uzasadnienie rozpychania się łokciami, jest jednak ostatnią modą w Rosji [2, с. 707] – ‘геополитика, понимаемая как обоснование расталкивания локтями, является, однако, последней модой в России’.

Nie ma bowiem nic gorszego jak rzucanie się z motyką na słońce [2, с. 725] – ‘потому что нет ничего хуже, чем бросаться с мотыгой на солнце’.

Brzmi to jak wyznanie estety, jak zachęta do zamykania się w wieży z kości słoniowej [2, с. 996] – ‘это звучит как признание эстетика, как призыв замкнуться в башне из слоновой кости’.

Перевод на русский язык таких вербоидов возможен только при помощи существительного либо инфинитива. Модель «*NR + się*» свойственна в большей степени

книжному стилю, в частности публицистическим статьям. Переход в статус возвратного номинативного вербоида возможен для любого глагола, причем такое отглагольное существительное приобретает форму среднего рода ед. ч.

Моделью «*RG + się*» (лат. *reflexivum gerundium* – ‘возвратное деепричастие’) описываются в исследуемом материале 4 случая (позиция 7 в таблице):

Czytałbym «Duszę człowieka pod panowaniem socjalizmu», śmiejąc się do rozpuki [2, с. 820] – ‘я читал бы «Душу человека под властью социализма», лопаясь от смеха’.

Trzęsąc się jak galareta amator umebłowanego mieszkania podpisał zobowiązanie [2, с. 853] – ‘трясаясь как холодец, любитель меблированной квартиры подписал обязательство’.

Mieszkał na Ukrainie, wieszając się klamek dworów pańskich [2, с. 915] – ‘жил на Украине, обивая пороги панских дворцов’.

Rakowały towary..., zwiżając się jak w ukropie [2, с. 1044] – ‘наковали товары..., извиваясь как в кипятке’.

Деепричастие как особая глагольная форма не характеризуется широким распространением в синтаксисе разговорного жанра славянских языков вообще, тем более в составе фразеологизмов. Поэтому такие образования следует трактовать как принадлежность книжного стиля, созданные авторами для лаконичности высказывания. Те же признаки книжности имеют фразеологизмы, содержащие возвратные причастия.

Моделью «*RP + się*» описываются в исследуемом материале 3 случая (позиция 9 в таблице):

Bojący się komunistów jak ognia [2, с. 25] – ‘боящийся коммунистов как огня’.

Pałaszują najlepszą w świecie grochówkę, rozpływając się w ustach golonkę [2, с. 707] – ‘уплывают лучший на свете гороховый суп, расплывающуюся (= тающую) во рту рульку’.

Trzymająca się kurczowo, jak pijany płotu, Miłości [2, с. 858] – ‘держущаяся судорожно, как пьяный за забор, за Любовь’.

Малочисленность возвратных причастий в структуре фразеологизмов подтверждает мысль о предпочтительном употреблении на их месте глаголов: *bać się jak ognia* ‘бояться как огня’, *rozpływać się w ustach* ‘таять во рту’, *trzymać się płotu* ‘держаться за забор’. Приведенные авторами слова-

ря примеры – результат работы над словом и образом польских публицистов, т. е. перед нами – результат сознательной предварительной обработки крылатых выражений мастерами художественного и публицистического слога. Возвратность причастий при этом сохраняется в контактной постпозиции *się*.

Бивалентность (т. е. отнесенность к двум глаголам) *się* описывается немногочисленными моделями (позиции 8, 14, 15, 16 таблицы):

« $V^1 + się + n^1 + V^2$ » (3 эпизода): *kramarz dwoi się i troi, chce wszystkich obsłużyć* [2, с. 135] – ‘лавочник раздваивается и растранивается (= разрывается на части), хочет всех обслужить’. Здесь мы можем говорить о бивалентности *się* в устойчивом словосочетании, представленном в двух словарных статьях: *dwoić się* [2, с. 135] и *troić się*: *dwoiła się i troiła, żeby krowy na czas wydoić, świnie, kury nakarmić* [2, с. 848] – ‘она двоилась и троилась (= разрывалась на части), чтобы коров во время подоить, свиней, кур накормить’. Эти глаголы сочетаются именно в исключительно возрастающем порядке: *dwoić się i troić* ‘разрываются на части’, но не наоборот, т. е. не *troić się i dwoić*.

В словаре представлено 9 иллюстративных эпизодов (4 при реестровом *dwoić się* и 5 при реестровом *troić się*). Данный фразеологизм описывается жестко спаянной моделью « $V^1 + się + n^1 + V^2$ », а в качестве делимитера здесь выступает союз *и*. При замене этого союза на запятую (а в устной речи – на паузу) исчезнет плавность, мелодичность фразы, обусловленная дополнительным гласным.

Еще примеры:

« $V^1 + się + n^1 + V^2$ »: *silnego faceta, o którego mogłabym spokojnie oprzeć się i wyplakać w kamizelkę* [2, с. 969] – ‘сильного мужика, на которого могла бы спокойно опереться и выплакаться в жилетку’.

« $V^1 + n^1 + się + V^2$ » (1 эпизод): *udało mu się wykręcić sianem, nie zatrzymano go w areście* [2, с. 962] – ‘удалось ему из этого дела кое-как выкрутиться, его не арестовали’.

« $Się + V^1 + n^1 + V^2$ » (1 эпизод): *kto by ją wtedy odwiedził, żeby się wyżalić i wyplakać*

w kamizelkę [2, с. 969] – ‘кто бы ее провед, чтобы пожаловаться и выплакаться в жилетку’.

« $V^1 + się + n^1 + n^2 + n^3 + V^2$ » (1 эпизод): *udało się z tej sprawy wykręcić sianem* [2, с. 962] – ‘удалось из этого дела кое-как выкрутиться’.

Заклучение

1. Глаголы, входящие в состав польских фразеологизмов, – это немногочисленная группа (в нашем случае 98) первичных (древних) глаголов восприятия окружающего мира и описания человеческой деятельности в нем. Это начала вербальной метафоризации объективных природных процессов, наблюдаемых и классифицируемых человеческим мозгом.

2. Реестровая модель возвратного польского глагола, входящего в состав фразеологизма и кодифицируемая в виде контактной постпозиции « $V + się$ », является самой древней, изначальной в польском языке, она реализуется в более чем 60 % случаев для выражения возвратности во всех стилях и жанрах современного польского языка.

3. Закрепление в языковой традиции наиболее раннего ответвления реестровой модели в виде дистактного ее типа с одним делимитером, т. е. « $V + n^1 + się$ », изначально обуславливалось чередованием сильных и слабых (долгих и кратких) слогов фразы, поддерживаемым фиксированным ударением в польском языке, что в результате языковой практики приводило к мнемонически удачным композициям, способствовавшим возобновляемости в устной речи мелодичных устойчивых высказываний.

4. На устное употребление возвратных моделей с большим количеством делимитеров может претендовать носитель языка с тренированной оперативной памятью, человек с высоким уровнем интеллекта (ученый, писатель, врач, поэт, журналист, преподаватель), поэтому модели типа « $V^1 + się + n^1 + n^2 + n^3 + V^2$ » или « $się + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + n^5 + n^6 + n^7 + V$ » являются чаще всего принадлежностью книжного стиля, предполагающего тщательный отбор и обработку лексического и грамматического материала, уместное употребление возвратных глагольных форм и вербоидов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сериков, Г. В. Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитар. науки: история, филология, философия. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
2. Bąba, S. Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny / S. Bąba, J. Liberek ; red.: L. Drabik [i in.]. – Warszawa : PWN, 2003. – 1096 s.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева (гл. ред.) ; редкол.: Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1990. – 683 с.
4. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
5. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : PWN, 1980. – 796 s.
6. Strączek, K. Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
7. Bąk, P. Gramatyka języka polskiego / P. Bąk. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1997. – 508 s.
8. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков ; редкол.: Х. Ш. Абдусаматов [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1975. – Т. 8 : Флобер – Яшпал. – 1135 с.
9. Język polski : encyklopedia w tabelach / pod red. W. Mizerskiego. – Warszawa : Adamant, 2000. – 511 s.

REFERENCES

1. Sierikov, G. V. Pol'skije vozvratnyje modeli v intervju R. Kapustinskogo / G. V. Sierikov // Izv. Gomiell. gos. un-ta im. F. Skoriny. Gumanitar. nauki: istoriya, filologiya, filosofiya. – 2022. – № 4 (133) – S. 131–137.
2. Bąba, S. Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny / S. Bąba, J. Liberek ; red.: L. Drabik [i in.]. – Warszawa : PWN, 2003. – 1096 s.
3. Lingvistichieskij enciklopedichieskij slovar' / V. N. Yarceva (gl. ried.) ; riedkol.: N. D. Arutiunova [i dr.]. – M. : Soviet. Encikl., 1990. – 683 s.
4. Vasil'jev, L. M. Siemantika russkogo glagola / L. M. Vasil'jev. – M. : Vyssh. shk., 1981. – 184 s.
5. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : PWN, 1980. – 796 s.
6. Strączek, K. Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
7. Bąk, P. Gramatyka języka polskiego / P. Bąk. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1997. – 508 s.
8. Kratkaja litieraturnaja enciklopedija : v 9 t. / gl. ried. A. A. Surkov ; riedkol.: H. Sh. Abdusamatov [i dr.]. – M. : Soviet. Encikl., 1975. – T. 8 : Flober – Yashpal. – 1135 s.
9. Język polski : encyklopedia w tabelach / pod red. W. Mizerskiego. – Warszawa : Adamant, 2000. – 511 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.07.2022